

Юнусова Гузель Файзрахмановна

КОЛЫБЕЛЬНАЯ И ИГРОВАЯ ПЕСНЯ ТАТАР: ГЕНЕЗИС СВЯЗИ

В статье рассмотрена одна из причин интонационного родства колыбельной и игровой песен татар различных регионов России. Анализ и сопоставление вербального текста вариантов игры "Медведь и волк", колыбельных песен и других фольклорных образцов, привлечение данных этнографии позволили выявить генетическую связь указанных жанров со свадебным обрядом, что и обусловило их сходство. Такой подход будет интересен исследователям мелодического клише и комбинаторности в народных песнях, пытающимся найти их генетическую основу, что на сегодняшний день является малоизученной проблемой. В работе использован материал собственных полевых экспедиций автора и фонда Академии наук Республики Татарстан.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-2/55.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 222-225. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 784.4

В статье рассмотрена одна из причин интонационного родства колыбельной и игровой песен татар различных регионов России. Анализ и сопоставление вербального текста вариантов игры «Медведь и волк», колыбельных песен и других фольклорных образцов, привлечение данных этнографии позволили выявить генетическую связь указанных жанров со свадебным обрядом, что и обусловило их сходство. Такой подход будет интересен исследователям мелодического клише и комбинаторности в народных песнях, пытающимся найти их генетическую основу, что на сегодняшний день является малоизученной проблемой. В работе использован материал собственных полевых экспедиций автора и фонда Академии наук Республики Татарстан.

Ключевые слова и фразы: колыбельная песня; игровая песня; свадебный обряд; игра «Медведь и волк»; сказки; интонационное родство фольклорных образцов.

Гузель Файзрахмановна Юнусова

Центр рукописного и музыкального наследия

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова

Академия наук Республики Татарстан

guzelyunusova@gmail.com

КОЛЫБЕЛЬНАЯ И ИГРОВАЯ ПЕСНЯ ТАТАР: ГЕНЕЗИС СВЯЗИ©

В колыбельных песнях татар, проживающих в различных регионах России, с одной стороны, в плане содержания нашло отражение многообразие окружающей действительности, с другой – воплощение некоторых поэтических и музыкальных особенностей фольклора взрослых и детей. Этому способствовала сама специфика данных произведений, вошедших в репертуар исполнителей обеих возрастных групп. В них можно обнаружить атрибуты различных жанров народной музыки. Среди песен, с которыми особенно тесно контактирует колыбельная, в первую очередь следует выделить игровую. И это не случайно, несмотря на то, что конечный результат каждой из них различен: успокоение, усыпление и, наоборот, возбуждение, активизация внимания. Как известно, большинство образцов фольклора самих детей создано преимущественно в игровой форме (фантазийной и действенной одновременно), наиболее адекватной с психологической точки зрения их мировосприятию и благоприятной для освоения реальности. Кроме того, в общении взрослых с малышами преобладают забавы [6, с. 146] как чисто словесные, так и основанные на различных физических движениях (хлопанье в ладоши, подскоки и качания, элементарные танцевальные па и т.д.) в сопровождении многочисленных песен и приговорок. Они рассчитаны на развлечение и развитие детей. Записи фольклорных экспедиций автора данной статьи, а также фонда Центра рукописного и музыкального наследия Академии наук Республики Татарстан, имеющиеся публикации позволили выявить в татарской колыбельной песне общность в плане текста и мелодии с некоторыми музыкальными играми детворы и взрослых, а кроме того, с различными пестушками и потешками и, отчасти, со считалками. Отметим, что отдельные фрагменты образцов этого жанра, опубликованные в начале XX века, даже были включены некоторыми собирателями произведений татарского поэтического фольклора в раздел словесных игр, правда, без объяснений [1, б. 129]. Задача фиксации такого фольклорного материала в других национальных культурах специально не ставилась. Однако приведем хотя бы один яркий пример подобного явления из сборника русских народных песен. Это забавка «Тушки-тутушки» [7, с. 105], спетая на мелодию известной русской колыбельной песни (введенной Н. А. Римским-Корсаковым в оперу «Сказка о царе Салтане»), прототип которой можно найти в фольклоре самых разных народов.

Связь между колыбельными и игровыми песнями проявляется в нескольких аспектах. К ним можно отнести аналогии в системе образов; точное совпадение фрагмента вербального текста или мелодии; сходство заключительных поэтических строк, отдельных слов, в частности, рефрена, а также кадансов напева; композиционное подобие и многое другое. Возникновение таких конструктивных компонентов зачастую является следствием общего для ряда произведений данных жанров генезиса, восходящего к одному и тому же комплексу древних народных верований, мифологических представлений и обрядов. Собрано немало примеров, демонстрирующих интонационное родство фольклорных образцов. Именно по отношению к ним была поставлена задача выяснения причин, обусловивших это явление, в связи с чем пришлось апеллировать, прежде всего, к внемузыкальным источникам: текстам фольклорных произведений различных жанров, этнографическим материалам. В качестве исследуемого образца в данной статье прежде всего взята игра «Медведь и волк» («Аю-бүре»). Удалось записать несколько мелодий упомянутой игры. Каданс одной из них мелодически почти полностью совпадает с завершающим разделом колыбельной песни «Чу, чу, мой малыш» («Чу, чу, балам»).

Нотный пример № 1

$\text{♩} = 108$

Чу, чу, ба - лам, чу, ба - лам, кит - кэн - че ү - зем я - нын - да ка - лам.
 Си - не би - шек - кә са - лам.
 Син йо - кы - га

6

Йок - ла, ба - лам, йок - ла - чы, Йор тым ту - лы эш - лә - рем, дыр - ма - чы.
 Ми - не эш - сез тот - ма - чы. Э - шем - не кал -

Колыбельная «Чу, чу, балам». Зап. М. Нигмедзяновым в 1965 г. в д. Митрялы Темниковского р-на Республики Мордовия от Ялышевой Ханифы (1894 г. р.). Фонд Центра рукописного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова: CD № 61 (18). Нотация выполнена автором статьи

Нотный пример № 2

$\text{♩} = 88$

Жи-лэк жы-ям, как кы-ям
 Дәү э - ни - гә бү-лэк-кә.
 Мон-да жи-лэк күп и - кән, юк и - кән.
 а - ю, бү - ре

Игра «Аю-бүре». Зап. в 1988 г. в г. Казани от Сафиуллиной Гузель (1970 г. р.), уроженки дер. Лаишман Черемшанского р-на Республики Татарстан

Анализ указанных источников позволил сделать вывод, что данная игра, как и многие колыбельные песни, имеет отношение к обряду свадьбы. Колыбельные связаны со свадебным ритуалом, даже если в вербальном тексте нет явных указаний на это, как в песне «Чу, чу, мой малыш». Надо учитывать, что редко удается застать человека, выступающего в роли няни у люльки в момент усыпления ребенка. Колыбельные поют обычно специально по просьбе фольклориста. В результате – сокращенное время исполнения, усеченный текст (он не может состоять из двух-трех куплетов), часто без характерных для данного жанра импровизаций. В реальной же обстановке убаюкивания, например, по сообщению одного этномузыколога [5, с. 102], бабушка, не зная, что ее записывают, пела полчаса. Кроме того, филологи, как правило, публиковали фрагменты колыбельных песен. Повторы куплетов из репертуара других информантов ими выпускались. Такой материал не дает полного представления о распространенности текстов, географическом ареале их бытования. Так же они поступили и с колыбельной «Чу, чу, мой малыш», которая была записана дважды от одного и того же исполнителя (в 1954 и 1965 годах). Выявлению связи игры «Медведь и волк», а также колыбельных песен в целом со свадебным обрядом (из-за чего возникло интонационное сходство заключительных разделов произведений, нотации которых приведены выше) посвящена эта статья.

Как известно, у многих народов обычно нянчились с младенцами, сидели у люльки разные родственники, реже (в силу своей занятости более трудоемкой работой) та, которая дала жизнь. Об этом свидетельствует, например, и один из характерных зачинов колыбельных песен татар, состоящий из вопроса о том, куда ушла мать, и ответа: по ягоды, за подарком для ребенка. Кстати, в пословицах и самого малыша порой сравнивают со спелой малиной [1, б. 129].

Текст традиционной татарской колыбельной песни обычно состоит из семи сложных четверостиший. Поэтому появление дополнительных строк в некоторых произведениях этого жанра (они выделены в примере курсивом), изданных в разные годы филологами и этномузыкологами, сразу обратило на себя внимание [13, б. 26]:

Әлли-бәлли бәбкәсе,
Кая киткән әнкәсе?
Каенлыкка жиләккә,
Гөлнарага бүләккә.
*Анда жыләк күп икән,
Аю, бүре юк икән.*

Баюшки-баю, дитя,
Куда ушла мать?
В березняк по ягоды,
За подарком для Гульнары.
*Там ягод, оказывается, много,
А медведя и волка нет.*

Или несколько другой вид текста [4, б. 305]:

Аннан кәржинен ала,
Жиләк жыярга бара.
Анда аю юк икән,
Жиләкләре күп икән.
Жиләк жыям, как коям
Айгөләмә бүләккә.

Мать корзину берет,
Ягоды собирать идет.
Там медведя нет,
А ягод много.
Ягоды собираю, пастилу готовлю
Для подарка Айгуль.

Такое продолжение типично для игры «Медведь и волк» («Аю-бүре»). Варианты ее несколько отличаются друг от друга, но основа в них одна: после спетого группой участников куплета о сборе ягод и отсутствия в лесу медведя и волка дети, изображающие этих зверей, ловят их. Строки из этой игры встретились в качестве слов музыкальной вставки в сказке «Волшебный горшок» (другое название «Горшок с кашей») [3, с. 87], близкой в определенной мере по содержанию к одноименному произведению братьев Grimm, а целое законченное четверостишие - в колыбельной песне [10, б. 40]:

Жиләк жыям, жиләк жыям
Карт анайга бүләккә;
Монда жиләк күп икән,
Аю, бүре юк икән...

Ягоды собираю, ягоды собираю
Для подарка бабушке;
Здесь ягод много, оказывается,
Медведя и волка нет.

Более развернутый вариант колыбельной песни, базирующей на этом чуть видоизмененном четырехстишии (первая строка его выглядит по-другому: «ягоды собираю, пастилу готовлю»), по конструкции напоминает докучную сказку [9, б. 354]. В каждом его куплете меняется адресат подарка (бабушка, дедушка, мать и т.д.) и персонажи, которых, оказывается, нет в лесу. Однообразное повторение текста, не имеющего конца (согласно заключительной ремарке), здесь средство для создания монотонности, приводящее к долгожданному ожидаемому результату – засыпанию ребенка.

Собирание ягод, сушка и изготовление из них пастилы (обычно малиновой) было распространенным явлением в быту татар. Об этом свидетельствуют этнографические [13, с. 34] и фольклорные источники (преимущественно сказки). Существовал даже «Праздник ягод» («Жиләк жыены»), когда жители деревень проводили организованный сбор ягод с приглашением родственниц из других сел. Присоединялись к ним и представители соседних народов, например, марийцы. По описанию этнографов: «в лес за ягодами ехали на подводах, с гармонистами. Там устраивали и игрища» [12, с. 83].

Особым свадебным блюдом считался чак-чак (спрессованные обжаренные шарики теста, облитые медом), накрытый тонкими листьями ягодной пастилы. Это угощение – подарок родне жениха со стороны невесты. Неслучайно в некоторых сказках повествуют о том, что сбором ягод занимались именно женщины и девушки. В них также описан процесс изготовления пастилы [14, с. 209]. Есть строки об этом продукте и в тексте игры «Медведь и волк». Именно это обстоятельство, по утверждению одного из информантов, связывает игру с обрядом заключения брака. Исполнительница выделила несколько разновидностей игры: 1) распространенных в детском коллективе и отражающих порой реальные исторические события; 2) бытующих среди более взрослых по возрасту участников, т.к. содержали в себе обращение к молодой невестке или девушке в связи со свадебным угощением – пастилой.

Колыбельная песня татар в целом тесно связана со свадебным обрядом. Многие в ней указывает на это. Так, например, в тексте произведений, особенно адресованных дочерям, нередко говорится о будущем спутнике жизни. Заметно, что и колыбельные с указанным ранее зачином (мать ушла за ягодами – подарком ребенку) чаще обращены к девочкам: в них фигурируют конкретные женские имена (Гульнара, Таслима, Айгуль). К тому же как и у многих других народов, татарские дети принимали различное участие в свадебном обряде. Их образ порой приобретал здесь символическое значение. Интересное наблюдение в связи с этим есть в культуре русского народа по поводу трактовки невесты в качестве ребенка в момент переноса ее на руках жениха через порог дома. Этот прием, оказывается, означал обман домового: таким образом его убеждали, что в дом приходит не чужой человек, а свой – младенец [8]. У тюркоязычных народов (узбеков, башкир, киргиз, казахов и других), в т.ч. и татар (особенно сибирских), существовал обряд колыбельного сватовства («бешик куда»). Это был сговор родителей младенцев, помолвку которых отмечали на 40-й день со дня их рождения [2, с. 143]. У татар, в частности, казанских, он давно забыт. Обряд под названием «колыбельная свадьба» («бишек туе»), «свадьба (праздник) малютки» («бәби туе») у них уже

несколько веков представлял собой ритуал укладывания ребенка в колыбель, показа его родне, одаривание подарками. Но в этом обряде обязательно присутствовала та же главная ритуальная пища, что и в традиционной свадьбе – мед и масло. Во многих татарских колыбельных песнях говорится о том, что кто-то из близких родных принесет эти продукты ребенку. Возможно, символика этой трапезы нашла свое отражение и в поверье детей Пермской области, которое удалось записать во время фольклорной экспедиции. Они, отправляясь за ягодами в лес, по пути срывали головку колоса пшеницы в момент цветения и, стряхнув пыльцу, закладывали ее за ухо. Если по прибытию на место, обнаруживали, что пыльца снова образовалась (по их мнению, из-за тепла тела), значит ягод соберут много.

Анализ и сопоставление произведений народного творчества, данных этнографии показали, что некоторые колыбельные татарского народа интонационно оказываются близкими к игровым песням из-за семантической связи между ними, т.к. у них нередко присутствует общий генезис, восходящий к свадебному обряду. Выяснению вопроса о происхождении фольклорных образцов способствует изучение источников различных гуманитарных наук.

Список литературы

1. **Бадигый Х.** Сайланма хезмәтләр. Казан: Иман, 2001. 256 б.
2. **Валеев Ф. Т.** Сибирские татары: культура и быт. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. 208 с.
3. **Исхакова-Вамба Р. А.** Татарские народные песни. М.: Советский композитор, 1981. 190 с.
4. **Каюмова Э.** Борынгы да, моңлы да // Милли-мәдәни мирасыбыз: актаныш. Казан: Г. Ибраһимов исем. тел. әдәбият һәм сәнгать институты, 2010. Б. 267-319.
5. **Нигмедзянов М. Н.** Народные песни волжских татар. М.: Советский композитор, 1982. 135 с.
6. **Прокопьева П. Е.** Современный песенный фольклор лесных югагиров: содержание и особенности бытования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5. Ч. 1. С. 141-148.
7. **Русские народные песни, напетые М. Ф. Малкиной:** ноты / общ. ред. С. В. Аксюка. М.: Советский композитор, 1963. 123 с.
8. **Свадьба в традициях народов России** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rodina-portal.ru/articles/details/id/6> (дата обращения: 22.03.2012).
9. **Татар мифлары:** ике томда. Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1999. Т. 2. 431 б.
10. **Татар халкының балалар фольклоры** / төз. Н. Исәнбәт. Казан: Татгосиздат, 1941. 188 б.
11. **Татар халык ыжаты:** балалар фольклоры / төз. Р. Ф. Ягъфәров. Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1993. 336 б.
12. **Уразманова Р. К.** Обряды и праздники татар Поволжья и Урала. Годовой цикл. XIX - начало XX в.: историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2001. 197 с.
13. **Фукс К.** Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Краткая история города Казани: репринтное воспроизведение. Казань: Фонд ТЯК, 1991. 210 с.
14. **Хозяин Эуштинского леса:** сказка // Валеев Ф., Томилов Н. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск: Наука, 1996. С. 209-211.

TATARS' LULLABY AND GAME SONGS: GENESIS OF CONNECTION

Guzel' Faizrakhmanovna Yunusova

Centre of Hand-Written and Musical Heritage

Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

guzelyunusova@gmail.com

The author considers one of the reasons of the tonal relationship of lullaby and game songs of Tatars from different regions of Russia, shows that the analysis and comparison of the verbal text versions of the game "The Bear and the Wolf", lullabies, other folklore samples and ethnographic data involvement allow revealing the genetic connection of these genres with wedding ceremony, which pre-conditioned their similarity, mentions that such approach is of interest to the researchers of melodic clichés and combinatoric character of folk songs trying to find their genetic basis, which is by far the little-studied problem, and uses the material of her own field expeditions and the fund of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Key words and phrases: lullaby song; game song; wedding ceremony; game "The Bear and the Wolf"; tales; tonal relationship of folklore samples.